

СПЕЦВЫПУСК Республиканского института китаеведения им. Конфуция

www.gazeta.bsu.by

УНІВЕРСІТЭТ

Газета Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

14 февраля 2011 года

РИК им. Конфуция: СКВОЗЬ прошлое в будущее

10 января 2011 года исполняющим обязанности директора Республиканского института китаеведения имени Конфуция БГУ назначен профессиональный китаевед профессор Александр Николаевич ГОРДЕЙ. В интервью нашей газете он рассказал о зарождении института, его приоритетах и перспективах.

– В 1997 г. почти все преподаватели и студенты отделения восточных языков иняза перешли на факультет международных отношений БГУ, поскольку для развития востоковедения помимо свободного владения языком необходимы еще и глубокие знания восточной страны, ее материальной и духовной культуры. Там и была образована первая в республике кафедра восточных языков, которая уже в 2001 г. развернула обучение по сразу ставшей популярной специальности «лингвострановедение Востока» с присвоением выпускникам квалификации востоковед-международник, переводчик-референт по восточному (арабскому, китайскому, корейскому, персидскому, турецкому, японскому) и западному (английскому) языкам. Особым успехом пользовался китайский язык, это предопределило инфраструктуру востоковедения. В 2003 г. при поддержке Посольства КНР в Республике Беларусь и созданной нами еще в инязе Белорусской ассоциации востоковедов «Тайген» возник Республиканский центр китаеведения «Иероглиф» как прообраз Института стран Азии и Африки при МГУ. В 2005 г. мы с проректором по международным связям В.А. Астапенко на I Всемирном конгрессе китаеведов в Пекине узнали об организации всемирной сети институтов Конфуция. Главная роль в ней отводилась Пекинскому университету языкознания и культуры, на базе которого и была образована Государственная канцелярия КНР по международному распространению китайского языка / Штаб-квартира институтов Конфуция (Ханьбань). В результате возникла идея реорганизовать возглавляемый мною центр «Иероглиф» в институт Конфуция, о чем тут же договорились с ПУЯК, который я хорошо знаю, потому что там стажировался и проводил совместные исследова-

ния. Этот вуз и стал нашей партнерской организацией.

В 2005 г. мы провели в Минске I Международную научную конференцию «Китайская цивилизация в диалоге культур», которая собрала ведущих специалистов в области китаеведения и востоковедения. Это директор Института истории естествознания и техники РАН академик А.В. Постников, вице-президент Пекинского университета языкознания и культуры профессор Линь Голи, заместитель директора Института востоковедения РАН профессор В.М. Алпатов, декан факультета восточных языков МГПУ профессор В.А. Курдюмов, заведующая Центром Конфуция Рижского университета профессор Е.Ю. Стабунова, профессора Тань Аошун и А.М. Карапетянц из МГУ. В ней приняли участие в то время председатель ГКГ РБ и одновременно председатель белорусской части Белорусско-Китайской комиссии по торгово-экономическим отношениям А.А. Тозик, министр образования А.М. Радьков, первый заместитель министра иностранных дел В.П. Пугачев, заместитель председателя ГКНТ В.И. Недилько. В общем, получился высокий уровень конференции. Специалисты дали рекомендации, в каком направлении развивать в Беларуси китаеведение и востоковедение в целом. Созданный после конференции Республиканский институт китаеведения имени Конфуция приобрел уникальный характер. Ведь логотип таких заведений – просто институт Конфуция, но мы хотели, чтобы институт стал головным заведением в отрасли, главным экспертным учреждением. В итоге эта идея была поддержана министерствами образования и иностранных дел двух стран, а также их посольствами. Институт имеет значение аналитического, учебного, научно-го и культурного центра, призванного сплотить вокруг себя китаеведов

различного профиля, создать экспертную востоковедную среду для оказания помощи нашей стране в дальнейшем плодотворном сотрудничестве с КНР с учетом ее культурной и мировоззренческой специфики. Надеемся, что взятые обязательства выполним. Кстати, всего сейчас в мире около 300 институтов Конфуция, и их число продолжает расти.

– Недавно новым партнером РИК имени Конфуция БГУ стал Дальневосточный политехнический университет...

– Да, с 2009 года нашим партнером стал Дальневосточный политехнический университет. Это сильный университет на севере Китая, известный своими научными школами. Там также давние традиции преподавания русского языка как иностранного. В дореволюционной России Дальний, по-русски Дальний, составлял территориально-культурный анклав со знаменитым Порт-Артуром. Мы очень благодарны ДПУ за помощь Беларуси в подготовке специалистов по китайскому языку. Там сейчас учатся свыше 40 наших сограждан. Подписано полнометражное соглашение о сотрудничестве, включая совместную аспирантуру. Работу РИК им. Конфуция координирует Совет, сопредседателями которого является ректор БГУ академик С.В. Абрамеев и ректор ДПУ академик Оу Цзиньпин. Заместителем директора РИК им. Конфуция от китайской стороны является д-р Го Шухун, которая много делает для развития наших связей. Однако концепция институтов Конфуция не исключает контактов с другими китайскими вузами. С тем же Пекинским университетом языкознания и культуры есть действующее соглашение. Кроме того, сейчас руководством страны и ректором БГУ поставлена задача расширения сотрудничества с китайскими партнерами. Генеральное консульство в Шанхае поддержало нашу инициативу о заключении соглашения с крупнейшим в регионе Фуданьским университетом. Уже идут предметные переговоры. Таким образом, вырисовываются три стратегических направления: север, юг и центр КНР.

– Как будет взаимодействовать РИК им. Конфуция с кафедрой восточных языков ФМО?

– Будущее определяется прошлым, не случайно Конфуций все

время подчеркивал, что сам ничего не открывает, лишь возрождает утраченное. Мы очень признательны МИД Республики Беларусь, нашему посольству в КНР и лично Анатолию Афанасьевичу Тозику, Александру Михайловичу Радькову, Чрезвычайному и Полномочному Послу КНР в Республике Беларусь г-ну Лу Гуйчэну, первому секретарю по делам образования посольства КНР г-ну Мэй Ханьчэну, руководству Белорусского государственного университета за поддержку в создании единой китаеведной инфраструктуры. Ведь обучение китайскому языку на филологическом факультете БГУ тоже нами инициировано – пока кафедра восточных языков не являлась выпускающей, нужно было где-то готовить китаистов. Одновременно и на ФМО открылось отделение лингвострановедения – тот вариант, который мы изначально предлагали. Все-таки китаеведение, востоковедение – это многопрофильная специальность. Но кафедра восточных языков продолжала помогать филфаку, я там читал курс «Введение в китайскую филологию». Потом все стало развиваться отдельно, и это создало много проблем. Пришло время скоординировать усилия, чтобы повысить качество преподавания китайского языка, выработать единый стандарт обучения. Сейчас данные вопросы можно решать, поскольку я и веду кафедру восточных языков, и исполняю обязанности директора РИК. Мы будем проводить совместные учебно-методические семинары и научные конференции, добиваться того, чтобы любой человек, изучающий китайский язык, мог съездить в КНР на стажировку.

– Как Вы видите перспективы развития РИК им. Конфуция?

Главное – мы вернемся к идее разветвления филиалов РИК в областных городах, в первую очередь в Гродно и Гомеле, где при активном участии кафедры восточных языков уже возникли центры китайского языка, а между ГрГУ и Хэйлунцзянским университетом даже установлены партнерские отношения, поможем школам в создании кабинетов Конфуция и будем реализовывать договоренности с Институтом стран Азии и Африки МГУ о включенном образовании, курсах переподготовки и повышения квалификации, совместной аспирантуре и докторантуре. Словом, всячески поддерживать специалистов в их деятельности и профессиональном росте, чтобы белорусское востоковедение стало, выражаясь словами академика В.М. Алексеева, «наукой стратегической, а не энциклопедией и верхоглядством». Может быть, постепенно выйдем на формулу «Институт востоковедения БГУ». По крайней мере, мы неуклонно продвигаемся в данном направлении. На ФМО уже организованы центры корееведения и иранистики, в ближайшее время возникнут еще два – тюркологии и арабистики.

Во время праздника Весны – Нового года по лунному календарю принято высказывать самые добрые пожелания. Одно из них: *чунцзе куай-лэ* – веселого праздника Весны, а вот еще: *вань ши жу и* – успехов в 10 000 дел, *мэйцзи ю ми* – и пусть каждый сезон будет медовым.

**Беседовал
Сергей ШАФАЛОВИЧ**

ПРАЗДНИК ВЕСНЫ В БГУ

3 февраля 2011 г. в первый день Праздника весны – Нового года по лунному календарю – прошел торжественный прием и праздничный концерт, организованный факультетом доуниверситетского образования БГУ совместно с Республиканским институтом китаеведения им. Конфуция. В праздничных мероприятиях приняли участие первый секретарь по делам образования Посольства КНР в Республике Беларусь г-н Мэй Ханьчэн с супругой, а также руководители РИК им. Конфуция, ФДО и факультета международных отношений, главного управления учебной и научно-методической работы, управления международных связей.

С 17 по 21 февраля 2011 г. по приглашению ректора в БГУ будет находиться делегация Чжэцзянского педагогического университета во главе с заместителем начальника Государственной канцелярии по международному распространению китайского языка / Штаб-квартиры институтов Конфуция г-ном Линь Чаоцзянь. Визит приурочен к Празднику фонарей как составной части праздничных мероприятий, посвященных Новому году по лунному календарю. В программу визита входит встреча с руководством БГУ, посещение Республиканского института китаеведения им. Конфуция, а также концерт для преподавателей и студентов.

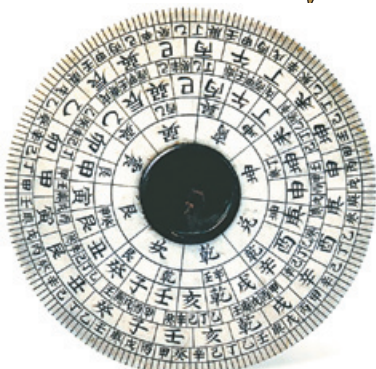

Схема циклических знаков

СПИРАЛЬ ВРЕМЕНИ

Китайская концепция времени помещает в себе идеи цикличности и линейности его течения. Так, с одной стороны, в традиционном китайском мировоззрении время делится на повторяющиеся периоды различной длительности. С другой стороны, в китайской картине мира нет представления о циклических разрушениях и воссозданиях Вселенной, как, например, в индийской традиции. Мир понимался древними китайцами как бесконечная череда превращений, метаморфоз. Одно, достигнув своей полноты, переходит в другое, и этим обеспечивается извечное самопревращение Вселенной. При этом непрерывное развитие-превращение происходит по определенным циклическим законам. Таким образом, течение времени в представлении древних китайцев имеет вид спирали, позволяющей объединить цикличность и линейность.

УСКОЛЬЗАЮЩЕЕ МГНОВЕНЬЕ

Идея вечного превращения ведет к пониманию особой ценности настоящего момента. Китайские художники и поэты не раз воспевали в своих произведениях красоту мимолетного и уходящего, что обычно принято связывать с влиянием буддийского мировоззрения. Однако подобное внимание к мимолетным моментам жизни было заложено

ПОДНЕБЕСНАЯ И ВРЕМЯ

В мировоззрении любого народа важное место занимают представления о пространстве и времени. В китайской картине мира времени отводится особая роль, так как китайский традиционный календарь на протяжении столетий определял жизненный уклад всей Поднебесной империи.

в гораздо более ранний период развития китайской культуры. По древней китайской легенде, первопродок Фу Си, созерцая узоры Неба и Земли, рек и озер, гор и лесов, создал знаменитые восемь триграмм – графических изображений основных комбинаций взаимодействия сил и вещей в мире. Различное сочетание триграмм дало 64 гексаграммы, обозначающие всевозможные взаимопревращения во Вселенной. Каждая гексаграмма отображает определенную ситуацию в конкретный момент, при этом данная ситуация может мгновенно измениться, перейти в другую по законам извечных превращений. 64 гексаграммы составили «Книгу перемен».

ЛУНА, СОЛНЦЕ, ЮПИТЕР И САТУРН

Традиционный китайский календарь на Западе широко известен по своему 12-ричному звериному циклу и исчислению месяцев и лет по Луне. Однако система китайского летоисчисления в действительности гораздо сложнее, и ее построение определяет движение не только Луны, но и других небесных тел, а именно Солнца, Юпитера и Сатурна. Начало и середина месяца в китайском календаре непременно совпадает с новолунием и полнолунием. Продолжительность лунного месяца составляет 29,53 суток, поэтому в году чередуются так называемые большие и малые месяцы, насчитывающие соответственно 29 и 30 дней. В китайской древней астрономии так-

же уделяется внимание и солнечно-му году. Так, для определения сезонов руководствовались датой летнего и зимнего солнцестояния. Лунный год, насчитывающий 354,36 суток, короче солнечного приблизительно на 11 суток, поэтому для сохранения соответствия лунного календаря природным сезонам возникла необходимость периодически вставлять в лунный год дополнительный, 13-й месяц. Исчисление 12-летних и 60-летних периодов связано с сидерическими циклами Юпитера и Сатурна. Цикл Юпитера приблизительно равен 12 годам, а Сатурна – 30 годам. Наименьшим общим кратным этих величин является число 60. Таким образом, китайский календарь, традиционно называемый лунным, в действительности является лунно-солнечно-юпитеро-сатурнианским.

КООРДИНАТЫ ГОДА

В основе китайского календаря лежит сочетание двух наборов циклических знаков: небесных стволов (тянь гань), содержащих 10 символов, и земных ветвей (ди чжи), насчитывающих 12 символов. Знаки сочетаются парами, в которых первым указывается небесный ствол, а вторым земная ветвь. Сочетание символов дает определенный «код», или «координаты» года, и составляют 12-летний и 60-летний циклы чередования сочетания знаков. Например, 2011 год обозначается циклическими знаками как синь мао. Синь – 8-й знак небесных стволов, а мао – 4-й знак земных ветвей. Циклические

знаки рассматриваются китайцами как обозначения неких абстрактных процессов, имеющих разное конкретное выражение и подразделяющихся на определенное количество фаз, т. е. эти знаки так же, как гексаграммы «Книги перемен», обозначают закономерности непрерывных превращений.

РАЗНОЦВЕТНЫЕ ЖИВОТНЫЕ

В 1 в. до н. э. к системе циклических знаков был присоединен 12-ричный животный цикл, который накладывается на комплекс из 12-ти земных ветвей. Система небесных стволов и земных ветвей также дополняется соответствием каждых двух лет одной из пяти природных стихий (у син): воде, дереву, огню, земле и металлу. Каждая из стихий обладает своим цветом: вода – черным, дерево – зеленым, огонь – красным, земля – желтым, металл – белым. Год соотносится с одним из 12-ти животных, которое называется определенной стихией и цветом, поэтому встречаются год земляного желтого быка, огненной красной свиньи и т. д. 2011 год, наступивший по китайскому календарю 3 февраля, является годом металлического белого кролика.

В современном Китае условия жизни и, следовательно, требования к календарному летоис-

числению по сравнению с древностью сильно изменились.

Сегодня китайцы в основном используют пришедший из западной традиции григорианский календарь, который называют гун ли – дословно «общий календарь». Китайский календарь продолжает играть основную роль в определении дат традиционных праздников, главными из которых являются Праздник середины осени и Праздник весны (китайский Новый год). Китайский календарный комплекс и традиционная концепция времени отражают развитие мировоззрения китайского народа и включают в себя символические, мифологические, научные и философские аспекты миропонимания жителей Поднебесной.

Дарина КОВАЛЬ
магистрант ФМО

Символ 2011 года – белый кролик

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Во время праздничных ритуалов звучат самые значимые для каждого человека пожелания. И даже если не все из них сразу сбываются, то жить все равно становится легче. Хорошо, когда праздники, связанных с пожеланиями процветания, большое количество. Традиционные для нас – праздник Нового года, а затем – Старого Нового года. Но, чтобы окончательно ощутить переход к весеннему возрождению в морозные дни зимы, мы ждем Восточного Нового года, который начинается в ночь на 3 февраля.

Этот праздник в Китае берет начало в древности и отличается богатой символикой, в чем-то схожей с нашей, славянской, а в чем-то – неповторимо китайской. Познание этого наследия обогащает современно-го человека и приводит его к пониманию жизненных ценностей, способствующих здоровью, преуспеванию, совершенствованию.

Своеобразной китайской традицией является искусство новогодних картинок – «няньхуа». Уже с XII в. в Поднебесной существовал обычай в канун Нового года украшать дома рисованными и печатными картинками с иероглифическими и фигуративными пожеланиями. Их можно назвать идеограммами, содержащими в иносказательной форме позитивный и воспитательный смысл. Они дарят людям веру в очередной счастливый год, что зависит как от стремления самого человека, так и от мистической поддержки предков, обожаемых сил природы и религиозно-мифологических понятий.

Няньхуа. В центре – дух мудрости и долголетия Шоусин

С XIX в. «няньхуа» стало массовым искусством, затребованным в каждом китайском доме. Их многозначительные сюжеты радуют глаз. По ритуальной необходимости они каждый год сжигались, но затем снова воспроизводились, что позволило исследователям собрать лучшие образцы.

Самые древние «няньхуа» несут символику буддизма, даосизма и конфуцианства. Даосское бессмертие символизирует Нефритовый император, к которому отправлялись для отчета о деяниях людей почитаемые небожители. Большую популярность несло изображение бодхисаттвы Гуаньинь, защитницы всех страждущих. Конфуцианство в поже-

ланиях акцентирует внимание на почитании старших, на чем зиждется китайское общество.

Во всех китайских домах присутствует иконка с изображением Цзюаняна, бога очага. Рядом с ним находились сосуды с записками о хороших и плохих делах, совершаемых в течение года. Во время Нового года иконка сжигалась, чтобы божество попало с докладом о семейной добропорядочности к Нефритовому императору. А на это место вывешивалась новая иконка.

Многочисленные изображения на картинках связаны с бытовыми сюжетами, в которых живет символическая связь с небесным светом посредством идеализации персонажей

и преданию среде их обитания сказочной красоты. Щедрое на возвышение значимости человека искусство по сути и было зеркалом настоящего богатства и процветания даже для самой незажиточной семьи.

Идеализированные картинки с изображением зимних пейзажей сохранили много сценков с ритуалами подготовки к Новому году. На дверях домов вывешивались благопожелательные изречения, на дверях лавок – пожелания удачной торговли и т. д.

Архитектурные пейзажи красочно отображали дворники китайских домов со сценами приветствия хозяином его гостей. На заднем плане старший сын в это время отправляет культ предков. Во время Нового года божества и предки из иного мира были почетными гостями в китайском доме, дабы они продолжали покровительствовать и помогать живущим.

Счастливо складывается жизнь, когда у родителей много сыновей с красивыми невестами, а их грамотные дети успешно сдают экзамены на государственные должности. Для того, чтобы передать суть происходящего на этих картинках-одах, посвященных жизненной целеустремленности, на помощь приходит образная многозначность китайского языка с иероглифами-омонимами, одинаково звучащими, но имеющими разное написание. Очевидно, что в изречении «лотос рождает драгоценные семена» подразумевается рождение знатных сыновей. Не случайно на картинках часто изобража-

ется счастливая мать с розовощеки-ми мальчуганами.

Помимо популярных метафорических образов встречается много обожествленных чиновников в роскошных одеяниях, белолицых красавиц, причудливых драконов, красноперых петухов, благоухающих пионов, что означало долголетие, знатность, богатство, преуспевание и т. д. В бытовых, на первый взгляд, сценах всегда находилось место таким образам и атрибутам, что делало их желанным новогодним украшением.

Новогодние картинки доносили до сознания людей литературные сюжеты, произрастающие из фольклорных источников. Например, излюбленной темой была связь пастуха и Небесной ткачихи. Она родила ему детей, но небожительнице не полагается долго жить на земле. Картины изображают сцену свидания супругов только раз в году. Это убеждает в возможности сохранения трепетных чувств во время долгой разлуки между супругами.

Странствующие актеры настолько полюбили китайскому народу, что театральная тема также нашлось достойное место в новогодней тематике. Популярными были сцены из пьесы «Павильон Желтого журавля», посвященной героическим персонажам истории.

«Няньхуа» – не только эликсир хорошего настроения для китайцев, но и для всех людей мира, осознавших ценность народного искусства.

Евгений ШУНЕЙКО,
доцент кафедры
восточных языков

Китайское письмо и Праздник весны

История китайской письменности насчитывает несколько тысяч лет. Иероглифы для китайцев — это не просто средство записи языка, но носители древней богатой культуры. Они имеют устойчивые связи со многими народными обычаями, в том числе и с важнейшим праздником традиционного китайского календаря — китайским Новым годом, или Праздником весны.

Один из самых известных новогодних письменных обычаев — это вывешивание перевернутого иероглифа 福 fú «счастье» на дверях дома. Значение этой народной традиции раскрывается в легенде. Во времена правления династии Цинь один из чиновников написал несколько крупных иероглифов счастье и велел повесить их на дворцовых воротах. Слуга по неграмотности повесил их вверх тормашками. Жена князя, увидев это, сильно рассердилась и хотела тут же наказать виновного. Тогда чиновник упал перед ней на колени и сказал: «Госпожа, слуга сделал все правильно, и сегодня в ваш дом пришло счастье. Это добрый знак». И тут она вспомнила, что люди, проходя мимо дворца, говорили, что в его дом вошло счастье. Ведь по-китайски «счастье перевернулось»

«Добродетель» в стиле птиц и цветов

звучит так же, как и «счастье пришло». Сменив гнев на милость, жена князя велела наградить чиновника и его слугу, а обычай вешать иероглиф счастье вниз головой прочно вошел в жизнь китайцев.

В китайском языке много слов, которые звучат одинаково, но записываются разными иероглифами, и жители Поднебесной искусно используют эту особенность для создания произведений живописного и словесного искусства, в том числе и в рамках богатой китайской традиции благопожелания.

Принцип омонимии широко используется при создании традиционных новогодних картинок «няньхуа», которыми китайцы украша-

ют дома в канун Нового года. Очень часто «няньхуа» — это не просто рисунок со счастливой символикой, но красиво выполненный иероглиф, значению которого китайцы придают очень большое внимание. Это так называемые благопожелательные иероглифы: 福 fú «счастье», 寿 shòu «долголетие», 和 hé «гармония» и др. Одно время большим спросом пользовались рисунки, называемые «долгожительство наивысшее из пяти фу», которые изображали иероглиф счастье в окружении пяти летучих мышей — слово 蝠 fú «летучая мышь» созвучно слову 福 fú «счастье» — «фу». Также иероглиф 鱼 yú «рыба» связан с иероглифом 余 yú «достаток», поскольку это слова звучат одинаково — юй. Омонимия обыгрывается и в традиционных новогодних пожеланиях. Например, упомянутое выше сходство между словами «рыба» и «достаток» лежит в основе такого новогоднего пожелания — «желаем год от года иметь рыбу» (年年有鱼), т. е. чтобы достаток рос год от года.

Культура благопожеланий также отразилась в обычае приклеивать на

ворота и двери рифмованные двустишия. В Праздник весны в городах и селах каждая семья внимательно выбирает любимые новогодние надписи и наклеивает их на двери, тем самым создавая радостную праздничную атмосферу. Не так просто сочинять парные надписи, потому что в них все подчиняется симметрии: предложение к предложению, существительное к существительному, глагол к глаголу, тон к тону и т. д. Вот, например, парная надпись с пожеланием счастья и долголетия: 福如东海; 寿比南山 (Пусть счастье будет подобно Восточному морю, а долголетие сравнится с горой Наньшань).

Для китайских художников характерно традиционное соединение живописи и каллиграфии, которое рождает удивительные по своему мастерству произведения. Так, благопожелательные иероглифы и надписи под искусным пером мастера превращаются в ярких птиц, извивающихся драконов и пышные цветы. Этот жанр получил название «живописные иероглифы» или буквально «иероглифы в стиле «цветы и птицы»». При близком рассмотрении такое произведение представляет собой природный пейзаж, а издалека можно различить формы иероглифов.

Своеобразным для Китая также является составление лигатур, представляющих собой объединение

Лигатура 黄金万两

благопожелательного словосочетания или выражения в одном иероглифе. Часто встречаются такие лигатуры, как 招财进宝 или 黄金万两 — пожелания финансового благополучия и 双喜 (囍) — символ двойного счастья для новобрачных.

Формы благопожелательных надписей и орнаментов кратки и выразительны. Их содержание всегда базируется на игре смыслов, метафорах, омонимах, символических связях. Такими намеками и системами ссылок китайцы умело создают праздничную и положительную атмосферу не только вовне, но и у себя в душе.

Перечисленные выше традиции и обычаи — это только малая часть того богатого содержания, которое привносит иероглифическое письмо в китайскую культуру. А умение жителей Поднебесной использовать свое обширное историческое наследие для создания своеобразных культурных феноменов всякий раз приводит нас в восхищение.

Ксения КАРАСЕВА,
преподаватель кафедры
восточных языков

Кітайская класічная паэзія

Ван Вэй

Ван Вэй (701?-761?), другое імя Мо Цзэ — славыты кітайскі паэт, мастак, каліграф, музыкант. Лічыцца заснавальнікам аднаго з асноўных напрамкаў кітайскай паэзіі — паэзіі «гор і вод». Вынаходнік тэхнікі манахромнага жывапісу. Знаходзіўся пад моцным уплывам дзэн-будызму, таму таксама вядомы як «Буда паэзіі». Да нас дайшло каля 400 вершаў Ван Вэя.

Восеньскі вечар у гарах

Апусцелыя горы,
Дождж нядаўна спыніўся,
Ціхі восеньскі вечар
Хутка ў горы спусціўся.

Светла месяц у хвоях
Між галін пазірае,
Ручайка празрыста
Па каменні збягае.

Між бамбуку жанчыны
Ідуць, адзенне памыўшы.
Па рацэ плыве човен,
Лотас паварушыўшы.

І няхай знік даўно
Цёплы водар вясновы,
Я адзін, але тут
Застануся ўсё роўна*.

* Алюзія на радок «Унук князя, вяртайся, сярод гор заставацца нельга гэтак надоўга» з паэмы Хуайнань-Сяшаня «Закліда таго, хто схавалася ад свету» (II ст.)

Алена РАМАНОЎСКАЯ,
выкладчык кафедры ўсходніх моў

«К подножию ль стены далекого Китая...»

А. С. Пушкин был заинтересован Китаем, мечтал лично прикоснуться к великой культуре Востока, интерес к которой возник благодаря знакомству с выдающимся русским китаеведом Н. Я. Бичуриным (монахом Иакинфом). В начале 1830 г. готовилась экспедиция к китайской границе, в Кяхту. Пушкин подал на высочайшее имя прошение об участии в поездке, но получил отказ.

Китайский художник и переводчик Гао Ман, прочитав стихотворение А. С. Пушкина «Поедем, я готов...» (см. эпиграф), написал: «Да ведь эти строки о Великой стене, о Китае?!» — осенило меня... Я написал серию из 12 картин, посвященных поэту. На одной из них изображен Пушкин на Великой китайской стене».

Л. Н. Толстой был увлечен учением Лао-цзы, участвовал в издании перевода «Дао дэ цзина» на русский язык и написал свой комментарий к этому произведению: «Основы учения Лао-Тзе одна и та же, как и основы всех великих, истинных религиозных учений... Он учит тому, как переходить от жизни тела к жизни духа».

Как один из первых переводчиков китайской поэзии известен А. Фет, который в 1816 г. в рубрике «С китайского» опубликовал стихотворение «Тень», являющееся переводом четверостишия китайского поэта Су Ши (основой для перевода послужил немецкий вариант стихотворения).

Интерес к китайской классической поэзии и культуре усилился в эпоху Серебряного века. Переводческая деятельность предоставляет возможность активного взаимодействия культур. Переводы китайской поэзии, выполненные А. Ахматовой (поэма «Лисао» Цюй Юаня, лирика Ли Бо) и другими мастерами художественного слова, доказали возможность вполне адекватной передачи на русский язык как некоторых формальных особенностей стихосложения, так и красоты образов, энергии чувств и мыслей.

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегаю:
К подножию ль стены далекого Китая...

А. С. Пушкин

В раннем творчестве В. Брюсов пробует писать стихи по законам китайского и японского стихосложения.

В 1908 г. К. Бальмонт издает сборник стихов «Зовы древности», в котором представлены переводы стихов из «Ши цзина» («Книги песен»), Ли Бо, Ду Фу и других китайских поэтов.

В знаменитом стихотворении М. Цветаевой «Вчера еще в глаза глядел...» появляется неожиданное сравнение — лирическая героиня говорит о том, что возлюбленный сравнивал ее с «Китайскою державою».

Герои романов А. Белого предстают «китайскими мудрецами, одолевшими мудрость «И-Кинга» («И цзина»), они прекрасно знакомы с китайской философией, их «наполняет конфуцианская мудрость»: «Все есть — мера гармонии», «В середине и, да в постоянстве — действительный человек проявляется».

Заглавие мемуаров Г. Иванова «Китайские тени», на первый взгляд, выглядит несколько необычно: на страницах произведения автор рассказывает о жизни литературного Петербурга начала XX века. Однако эта символи-

ка становится понятной, если знать, что представляет собой китайский театр теней. Г. Иванов в мемуарах (подобно кукловоду) рассказывает своих героев за ширмой-туманом: «...В стеклянном тумане, над широкой рекой — висят мосты, над гранитной набережной стоят дворцы, и две тонких золотых иглы слабо блестя... какие-то люди ходят по улице, какие-то события совершаются...». «Петербургские улицы обладают несомненным свойством: превращают в тени прохожих», — писал А. Белый.

У любителя странствий и экзотических стран Н. Гумилева много стихотворений, в которых лирический герой мечтает о Китае («Путешествие в Китай», «Я верил, я думал...»):

И вот мне приснилось, что сердце мое не болит,
Оно — колокольчик фарфоровый в желтом Китае
На пагоде пестрой висит и приветно звенит,
В змалеом небе дразня журавлиные стаи.

Известно и о замысле поэта написать пьесу «Жизнь Будды», осуществить который он не успел.

Преемниками традиций Серебряного века явились писатели и поэты, эмигрировавшие за рубеж после событий 1917 г. Одним из центров культуры русской эмиграции был Харбин, в котором возникла богатая литературная жизнь.

При столь тесном соприкосновении с Востоком литераторам невозможно было обойти стороной традиционную духовную культуру: А. Паркау «Лунный Новый год», Н. Светлова «Новый год Китая», А. Серебрянникова «Песенка о Китае». В. Перелешин считает одним из лучших поэтов русской эмиграции. Он издает антологию древнекитайской поэзии и поэму Цюй Юаня «Лисао» в собственном переводе на русский язык.

На современном этапе взаимодействие русской и китайской литературы ограничивается уже известной «экзотичностью». Однако повышенный интерес к китайской культуре проявляется в среде творческой элиты и у профессиональных китаеведов, получивших хорошее языковое и страноведческое образование.

Ольга КОРЕНЬКОВА,
ст. преподаватель кафедры
восточных языков

